

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Петр БУРМИН

Агасфер

(Наша эра в стихах)

Новокузнецк
2011

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Б 91

Бурмин, Петр Сергеевич

Агасфер : (Наша эра в стихах) / Петр Бурмин ;
ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ;
Муниципальное учреждение Централизованная
библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий
городской клуб любителей фантастики «Контакт». –
Новокузнецк, 2011 . – 60 с. : портр. – Библиогр.: с. 58–60
(22 назв.)

Бурмин П. «Автопортрет»

Коротко о себе

Родился я в 1933 году в Алтайском крае.

Два года спустя приехал в Новокузнецк (Сталинск), разумеется, вместе с родителями, которые завербовались на строительство Кузнецкого металлургического комбината.

Я тоже начинал свой трудовой стаж на КМК – сначала электроремонтном цехе, затем в цехе ремонтно-строительных деталей.

На пенсию вышел из строительной фирмы, где работал художником-оформителем.

В шестидесятых годах в газете «Комсомолец Кузбасса» было опубликовано с десяток-другой моих стихотворений, приуроченных к полетам человека в космос.

К тому же времени относятся и мои первые опыты в фантастике.

ПРЕДИСЛОВИЕ

1

Гомеровы поэмы стиль высокий
гекзаметра античного питал.
Свои взрывные громовые строки
наш Маяковский лесенкой писал.
Литые восьмистишья, словно блоки,
октавы – подходящий материал –
использовать решил я для создания
большого поэтического зданья.

2

Меня корят частенько за сонеты.
Сонет – всего лишь (мол, имей в виду)
красивая старинная монета,
которая сегодня не в ходу.
Обычно отвечаю я на это,
что в нашем поэтическом саду
всяк плод хорош, что зрел (тут не уместен
монетный образ, хоть и полновесен).

3

Я это же скажу и об октаве.
И даже больше, коль на то пошло:
она стара, чего уж тут лукавить.
Зело стара, как и само «зело».
Стара, как мир, что вскормлен на отаве
культур новейших, как добро и зло,
как ямб, которым – убедились все мы –
написаны известные поэмы.

4

Поэмы, положившие основу
России поэтической не зря;
их авторы, что знают цену слову,
не забывают правило, творя,
что дело тут не в форме модерновой,
а в новизне идей и словаря,
тем и трактовок; отчего, бесспорно,
выигрывает, обновляясь, форма.

5

Стих обладает музыкой Сен-Санса.
Иной поэт – к чему таить греха? –
умышленно привносит диссонансы
в певучее звучание стиха;
из-под копыт бескрылого Пегаса
летит в глаза словесная труха,
что наводняет книги и журналы,
неся тем самым вкусам вред немалый.

6

Чтоб инструмент был точен до микрона,
сличаться должен временами он
в Палате мер и веса с эталоном –
таков его незыблемый закон.
И ты, поэт, хоть изредка, с поклоном
ходи к октаве – тот же эталон, –
которая не даст тебе, к примеру,
утратить поэтическую меру.

7

Мы помещаем в замкнутую форму
сыпучие и жидкие тела.
На плоскую открытую платформу –
все остальное. Мысли и дела
мы согласуем с некоею нормой,
что воплощение в принципе нашла:
все то не плохо и не безобразно,
что применимо и целесообразно.

ЭПОХА ПЕРВАЯ

1

Христос взбирался на Голгофу-гору
(в тот миг он не был ни могуч, ни свят),
неся свой крест тяжелый, на котором
он будет фарисеями распят.
Возможно, шел бы он по сию пору,
когда бы тело от висков до пят
не заломило под бревном заплечным;
стал помышлять об отдыхе Предвечный.

2

Вошел он в Агасферовы пенаты,
сказал: «Во имя наших матерей
позволь напиться страждущему брату
и отдохнуть с дороги». Но еврей,
как недруга и злого супостата,
вон Иисуса от своих дверей
прогнал. Господь у своего распятия
тогда изрек ужасное проклятье.

3

Христос

Несчастный, ты отказываешь богу
в покое кратком и глотке воды!
Я с миром шел до твоего порога,
благословенье нес я...

Агасфер

От беды

уйди. Не то спущу цепного дога,
что сторожит трудов мои плоды...

Христос

Ты за свое бездушие и свары
заслуживаешь справедливой кары.

4

Бессмертие дарую в наказание:
отныне до скончания времен
живя, ты проклянешь существованье,
похожее на бред, кошмарный сон.
На муки, на несчастья и страданья
ты, дерзкий, неразумный, осужден.

Агасфер

Не сподобляйся богу Саваофу...

Христос

Ища недостижимую Голгофу,

5

ты обречен скитаться постоянно;
не останавливаясь на присест,
по суше и по зыби океанной,
нести ты будешь свой незримый крест
среди чужаков скотиной безымянной,

чужим среди отечественных мест
и милого еврейского народа,
отверженным без племени и рода.

6

И снова, крест взвалив на плечи,
Христос пошел дорогою своей;
ему вослед с улыбкою беспечной
смотрел наш незадачливый еврей.
Вдруг над прохожим появилось нечто
сияющее... Стоя у дверей,
сообразил он, с кем имеет дело;
у селянина грудь похолодела.

7

Был Агасфер мужчиною здоровым
лет тридцати – прекрасная пора, –
когда его проклятие Христово
погнало вон с родимого двора;
отторгнутый от обжитого крова,
где ждут его жена и детвора
и хлопоты хозяйские, отныне
он обречен скитаться на чужбине.

8

Еврей напрасно кающимся Каином
молил Христа простить его порок...
Но не смягчился от речей покаянных
обманутый в гостеприимстве бог.
По дому послонявшись неприкаянно,
взяв посошок и тощий узелок,
отверженный направился к порогу...
Его жена Эсфирь ему дорогу

9

тут заступила. Тотчас окружили
их ребятишки с четырех сторон:
костлявый, словно весь из сухожилий,
большак, девятилетний Соломон,
Юдифь-толстушка, резвая Рашили
и маленький Иуда. Тяжкий стон
грудь издала несчастного изгоя:
всех их покинуть должен он сегодня.

10

Эсфирь
Куда идешь?
Агасфер

Беда, Эсфирь, случилась,
и тут уж не поправишь ничего...
Прогнал я со двора сейчас мужчину –
попутал дьявол...

Эсфирь

Что ж из того?

Агасфер

Сиянье над челом еголучилось,
которое о святости его,
увы, мне слишком поздно рассказало!

Эсфирь

Святой? Их нынче развелось немало...

11

Какого черта шастает по свету,
непрощенно суется на порог
священная полуживая ветошь?!

Агасфер

Под старость всякий – дьявол иль пророк.

Эсфирь

И я того же мнения...

Агасфер

Но этот

довольно молод. Да к тому же – бог.
Наказан я изгнанием за изгнание;
и тут уж ни мольбы, ни покаянья

12

спастись мне от возмездья не помогут.

Эсфирь

Ты прав. Иди-ка, запрягай вола;
В арбу сбросаем весь наш скарб убогий –
ремки, горшки, ухваты, помела.
Мы с детками пойдем твоей дорогой,
куда б она тебя ни повела;
довольны будем всякою судьбою –
быть постоянно только бы с тобою.

13

Скрипели дроги. Проплывали мимо
то пустыри, то борозды полей.
Уже ворота Иерусалима
оставил неприкаянный еврей.
И тут-то с одноглазым Иилимой,
подлейшим из когорты мытарей,
столкнулся он. Тот ехал на ослице:
мерзавцу, видно, дома не сидится...

14

От ненависти, смешанной со злостью,
глаза застлала Агасферу муть...

Мытарь

Не к самому Тиберию ли в гости,
любезнейшие, держите вы путь?
Не растеряйте по дороге кости...

Эсфирь

Уж без твоих советов как-нибудь
мы обойдемся.

Мытарь

Взяли бы Пилата
в проводники – одним далековато...

15

Эсфирь

Не беспокойся.

Мытарь

Близко ли, далеко –
забота ваша.

Эсфирь

Стало быть, пока...

Мытарь

Мне жаль, но в возмещение оброка
придется мне отнять быка.

Агасфер

Лишу тебя единственного ока
иль поломаю тощие бока,
коль не уйдешь с дороги!..

Мытарь

Больно круто
оглобли гнешь. Не понимаешь шуток.

16

Поборник скорчил сладенькую мину
и, больше ничего не говоря,
пришпорил расторопную скотину.
Еврей смекнул, что тот спешит не зря;
он понимал чутьем простолюдина,
что столь легко ему от мытаря
не отвертеться, что у людоеда
всего лишь вырвал Пиррову победу.

17

И он был прав: взглянув из-под ладони,
увидел вскоре пыльные столбы,
что поднимали скачущие кони,
под шпорами вставая на дыбы.
Не убежать от бешеной погони,
как не укрыться от своей судьбы.
Сопrotивление тоже бесполезно.
Удар. Сквало по рукам железо.

18

Потом увидел мытаря кривого,
и кануло сознание во тьме...
Бесчувственного и полуживого,
его таском поволокли в суме,
привязанной к седлу концом пеньковым.
Пришел в себя среди смертников в тюрьме.
В бреду, куда он провалился сразу,
сражался с легионом одноглазых.

19

Под игом Рима гнулась Иудея
в той мрачной исторической дали.
В то время непокорные евреи
особенно активную вели
борьбу, завоевателей-злодеев
прогнать пытались со своей земли.
Однако были непреодолимы
жестокые легионеры Рима.

20

Евреи восставали постоянно,
с позором не мирились никогда.
Но видим мы, историю листая,
Рим подавлял – порой не без труда –
их слабые стихийные восстанья;
без следствия и правого суда
повстанцев заточали в подземелья,
что выхода на волю не имели.

21

Евреи. Обращали то и дело
вас в рабство – это факты, а не слух.
Но в рабство обращали только тело
и никогда – ваш горделивый дух.
Мысль о свободе души ваши грела.
Священный пламень никогда не тух –
все ярче светил, тем сильнее светил,
чем туже вокруг вас сжимались сети.

22

Все это было! Было! Неуклонно
вы счет ведете бедствиям своим
от страшного Всеобщего полона,
когда впервые пал Ерусалим,
поверженный царями Вавилона,
от кабалы, что вам готовил Рим
рабовладельческий и феодальный,
до черных дней, увы, совсем недавних...

23

Вы счет ведете. Перечень обширный
решили ныне миру предъявить
и, позабыв о заповедях мирных,
что «не убий» и «ближних возлюбить»
от иудеев требуют настырно.
Но, возлюбивши козни, стали «бить»... –
на неповинных во грехах соседей
взвалили запоздалое возмездье...

24

Вавилоняне вас лишали крова,
а римлянам, что были им под стать,

платили вы то каторгой, то кровью –
тех и других еще берусь понять:
то было темное средневековье.
Чем ваши злодеянья оправдать?
В двадцатый век едва ль кому удастся
Списать на дикость зверство и вандализм.

25

Но ближе к делу. Не хочу терпенье
испытывать твое, читатель мой.
В дальнейшем обойдусь без отступлений,
могу поклясться, но не головой.
Не сделавший пока ни преступлений,
ни подвигов, герой мой – не герой.
Итак, в стенах холодных каземата
пришел в себя, опутанный канатом.

26

Потом уснул, как я уже заметил,
и время мимо побежало вскачь...
Внезапно пробудился на рассвете,
услышав чей-то приглушенный плач.
Лежали рядом связанные дети.
Что за борьба неравная? Палач
его женой-красавицей, насилуя,
мерзавец, овладеть пытался силою.

27

Вот образец мужчины. Пресловутый
Отелло тут не стоил бы гроша...
Несчастный муж вложил всю силу в путы,
моля о чуде, тяжело дыша.
И вдруг канаты развалились, будто
то были не канаты, а лапша.
С плеч Агасфера словно спали гири.
Поднялся. Тигром бросился к Эсфири.

28

Легко сорвал с нее прелюбодея
и бросил на кол, что, видать ему
тот приготовил.

Агасфер

Эй вы, иудеи!

Давите стражу. Я берусь тюрьму
Открыть.

1-й повстанец

Охотно!

2-й повстанец

Недурна идея!

Несколько повстанцев одновременно

Давить! Давить! Пощады никому!

Агасфер

Хватайте палачей-легионеров
во имя нашей Родины и веры,

29

которые зывают о возмездьи!

1-й повстанец

Сведу в два счета счета с палачом,
что заколол Иилию наемни...

2-й повстанец

Руби его его же и мечом!..

Агасфер

Тяжелая, окованная медью
дверь затрещала под моим плечом!
Вы, иудеи, видите воочью,
что человек неслыханною мощью

30

владеть способен, ежели истоком
ее явился благородный гнев.

Довольно нас мытарили оброком,
поборами, на шею нам насев...

1-й повстанец

Я слышу голос мудрого пророка!..

Агасфер

Идите – жните дьявольский посев,
что римские поборники взрастили
на ваших землях, дети Израиля.

31

Ессей

Ты хорошо сказал тут о посеве.

Но хватит ли у иудеев сил
снять урожай?

Агасфер

Ты, верно, из ессеев?

Ессей

Ессей. Галилеянин Исмаил.

Агасфер

И это видно.

Ессей

Грязным фарисеем,
как ты (тебя я тоже раскусил),
я, слава богу, никогда не буду.
Заткните рот проклятому иуде,

32

а то он что-то разболтался слишком!

2-й повстанец

Турнем его за палачами вслед...

Несколько голосов одновременно

На крест, на крест сего фарисеишку!

Умел грешить, умей держать ответ...

Агасфер (в сторону)

Вот тут-то мне, наверное, и крышка...

Эсфирь

Тогда меня сначала!

1-й повстанец

Белый свет
скатился до конечного предела,
коль иудей пошел на иудея.

33

Кровь иудеев пролилась рекою –
неужто мало? Первородный грех
мы искупили, стало быть с лихвою.

2-й повстанец

Еще пророк сыскался. Без помех
его туда же!.. Собственной рукою
приколочу к кресту его.

Агасфер

На всех
гвоздей не хватит.

Легионер

Колья и ободья
найдутся для еврейского отродья!..

34

Пока тюрьма была открыта настезь,
немедля улепетывать бы вон...
Но иудеи, разделяясь на части,
являли настоящий Вавилон –
ломались копья, накалялись страсти;
уж был посажен кто-то на рожон...
Лишь боевая римская когорта
напомнила им о дверях отпертых,

35

Но было поздно...

Ессеи

Нам теперь пощады
не будет – правды горькой не таю...

1-й повстанец

Пусть так. Нам лучшей участи не надо,
чем умереть за Родину свою!

Легионер

И мы помочь вам всей душою рады.

Агасфер

А коли так, тогда умрем в бою!

Чур, мой всей этой банды предводитель!

Легионер

Но я не слышу клича: «Победить иль

36

костью полечь!»

Агасфер

На полную победу
покуда у евреев шансов нет.

Но обещаю: на тебе поеду,
как на осле безмозглом, на тот свет.

Легионер

Продолжили б приятную беседу,
но я спешу, приятель, на обед...

Агасфер

Спешешь к шакалам, кои после боя
охотно пообедают тобою?

37

Тут римляне набросились на пленных...
Разбой жестокий долго не стихал...
И даже этот сумрачный застенок
таких стенаний раньше не слышал,
от коих нынче вздрагивали стены!
В тюрьме и раньше пол не просыхал;
но столь обильной кровью эти плиты
еще ни разу не были политы!

38

Все были перебиты палачами!..
И Агасфер сложил свою главу;
но прежде он исполнил обещанье –
вцепился в глотку, уподобясь льву,
он легионеру... Тут я в знак печали
свое повествование прерву.
Итак, я кончил первую эпоху.
Суди, читатель, – хорошо иль плохо.

ЭПОХА ВТОРАЯ

1

Увы, никто – ни дети, ни их мамы –
Не спасся от палаческой руки...
И, завершив чудовищную драму,
в убийстве поседевшие стрелки
тела несчастных побросали в яму,
отрытую не берегу реки.
Чтобы молчала братская могила,
ее надежно завалили илом.

2

Прошло пять лет, за ними – двадцать, сорок;
подохли Иилима и осел;
и утекло воды немало в Сорок,
петлявшей между городов и сел.
В реке, неподалеку от которой
могилу Агасфер себе нашел.

Затем – столетье. И еще столетье.
А за вторым, как водится, и третье.

3

Еще евреи не избыли горе,
и были слезы, и клубился дым
по городам и селам... Впрочем, вскоре
все изменилось... Обессилел Рим;
и государства Среднеземноморья
не трепетали больше перед ним –
вздохнули посвободнее народы...
Но годы шли. И утекали воды.

4

Все это время терпеливо мыла
печальный берег вольная река;
но, прежде чем разрушила могилу,
еще промчались многие века...
Лишенный веса и остатков силы,
землисто-серый, тощий, как доска,
вдруг Агасфер, почувствовав свободу,
в бурлящую спасительную воду

5

скатился по сыпучему оврагу;
услужливая Сорок понесла
тотчас же прочь воскресшего бродягу;
он плыл всю ночь без лодки и весла,
под утро, зацепившись за корягу
напротив незнакомого села,
на берег вполз улиткою прилежной,
укрылся до поры в кустах прибрежных.

6

И суток семь, не закрывая очи,
лежал, положив камень в голова;
его пугала темь ненастной ночи,
но радовала неба синева.
А на восьмой в убежище непрочном
молоденькая бойкая вдова
его нашла; подумала мгновенье
и, как ребенка, унесла в селенье.

7

И тем она без робости и страха
 соседям молча объявила бой...
 Достала брюки мужнины, рубаху
 из сундука с чеканкой и резьбой:
 клоками залежавшегося праха
 его халат свалился сам собой
 с костлявых плеч. И, не сказав ни слова,
 засуетилась около больного.

8

Помыла в бане, затащив в корыто...
 Но кто она – столь добрая душа?
 Меньшая дочь попа-иезуита
 из Византии; вольностью дыша,
 пять лет назад блистательная Витта
 (так звать ее) без медного гроша
 и без отцовского благословенья,
 послушавшись сердечного веленья,

9

последовала за легионером;
 тюфяк, походы, скудость кошелька
 делила с ним; жестоким был не в меру,
 он мог убить дитя и старика...
 И не стерпела: в чашку изуверу
 Подсыпала однажды мышьяка.
 Уже четыре года будет ныне,
 Как овдовела Витта. В Палестине

10

с тех пор застряла. Взрослым лечит травмы,
 при scarлатине пользует детей:
 настой составить помогает «Травник»,
 что из далекой Родины своей
 она когда-то прихватила. Давних
 грехов папаша не припомнил ей –
 зовет домой. Но вдовушка покуда
 не помышляет уходить отсюда...

11

Есть отчий дом. Но нет к нему возврата.
 Есть и жених из неплохой семьи,

осевшей тут со времени Пилата;
высказывал намеренья свои
на ней жениться как-то через свата.
Она ж себе сказала: «Устои.
Будь гласу обездоленных послушна:
лишь им одним отдай ты свою душу».

12

Да не хотела потерять свободу...
Сперва в спасенном видела отца,
у коего ночами в непогоду
ломило кости, ныло у крестца.
Но «старец» от хорошего ухода
однажды превратился в молодца;
и, радуясь такому превращенью,
вдова слегка умерила лечение,

13

затем и вовсе прекратила; вскоре
вином сменила травяной настой –
и, надо думать, с нею он не спорил.
Святое чувство рядом с добротой
он часто видел у нее во взоре.
«За платье, за лечение и постой
Сполна с хозяйкой со своей прекрасной
я расплачусь работой ежечастной.

14

Но за родник любви ее бездонный
чем я воздам, бродяга и изгой? –
подумал он, гуляя с ней по склону
холма, что возвышался за избой,
и не сдержав отчаянного стога. –
Любовь, что стоит участи иной...
мне не по силам... Разве кто посмеет
взрыхлить поля, которых не засеет?»

15

Чуть Агасфер окреп душой и телом –
кровать покинул. И потом ни дня
не проводил он более без дела:
то чистит он скребницей коня,

то хлев чинит, то мажет глиной белой
избу снаружи, то для ячменя
сусек плетет, то коз на луг выводит,
то с сорняком воует в огороде.

16

Казалось, в нескончаемой работе
(готов он был трудиться день и ночь)
спастись пытался, скрыться от чего-то,
настойчиво толкающего прочь
от мест родных, политым отчим потом;
и, будучи не в силах превозмочь
тех темных сил, собравшись торопливо,
не попрощавшись со вдовой красивой,

17

с которой, к счастью, не зашли далеко,
оставил домик, вышел из села –
пошел туда, куда глядело око.
Сперва его нелегкая вела
по бездорожью, по холмам высоким,
по узким тропам горного козла,
по балкам, по оврагам и долинам...
И вскоре он покинул Палестину.

18

Впервые он попал в страну иную;
землю, по коей столько дней идет,
он про себя недобро именует
Страною Топей и Сплошных Болот.
То ловит в петли птицу водяную,
зорит их гнезда, то сосет из сот
мед диких пчел. А больше подаяньем
поддерживает плоть свою в скитаньях.

19

Он иногда грустит о теплом платье,
о сносной пище – этак блюд из двух, –
об очаге, о брошенной кровати,
на коей вдовушка взбивала пух.
Жалеть однако ж о своей утрате
не позволял его бродячий дух.

Все кончено. К прошедшему возврата
не будет... Так дошел он до Евфрата.

ЭПОХА ТРЕТЬЯ

1

На берегу безлюдном и пустынном,
заросшем сплошь кустарником яру
увидел он палатку бедуина;
приблизившись к убогому шатру
кочевников, в волнении откинул
он полог, что болтался на ветру,
нашел он леденеющие кости
того, к кому пожаловал он в гости.

2

Лежал бедняга на клочке овчины
и прижимал кремневую плиту,
которая суровой бичевинной
была к его пустому животу
привязана; и меры сей причина –
голодную унять в нем маяту...
И путник в скорби преклонил колени...
Тут за спиной какое-то сопенье

3

и голос, шелестящий, как бумага,
услышал он.

Бедуин

Напрасно у реки
я просидел все утро, под оврагом:
не хочет птица залезать в силки.
Ислан ушел... и я, пожалуй, лягу...
Хотя грехи мои и велики,
но попрошусь и я, как он, на небо,
где много проса, верблюдиц и хлеба,

4

что у меня на Родине в пустыне
песка.

Агасфер

Вон сколько птицы на губе

речной толпится...

Бедуин

Кровь уж в жилах стынет...

Аллах... аллах зовет меня к себе!..

Агасфер

Возьму силки... и не вернусь с пустыми...

Бедуин

Иди, пришелец; повезет тебе,

быть может, больше, чем везло мне утром...

Кто хочет жить, тот поступает мудро.

5

«Не быть мне Агасфером, но сегодня
у смерти бедуина отберу –
у расторопной дьявольской сводни», –
еврей подумал, сидя на яру
и глядя на речное мелководье,
где затевали шумную игру
изящнейшие и большие птицы
с длиннющими ногами, словно спицы:

6

оранжевое в белом оперенье
сияло, словно зорька в облаках...
Ловцу казалось соловьиным пеньем
не слишком благозвучное «га-ках».
Успех приходит следом за терпением –
и две из них запутались в силках,
трубя тревогу. Тотчас гомон птичий
поднялся в небо. Агасфер с добычей

7

к шатру вернулся, кликнул бедуина;
хоть у того чуть теплилась душа,
поднялся резво со своей овчины
и вокруг птицы вроде антраша
давай выделявать. Еврей за глиной
сходил на берег и, не потроша
обмазал птицу. И в плавник горящий
внедрен был кокон. Мукой настоящей

8

явилось для голодных ожиданье!..
Не испытали мы подобных мук,
когда мы ожидали на свиданье
запаздывающих, как всегда, подруг;
не знали мы столь сильного страданья,
когда они нам изменяли вдруг.
Лишь тот познал страданья в полной мере,
кого желудок влек к могильной двери.

9

Завечерело. Приутихший ветер
не треплет полог ветхого шатра.
Звезда рыбешкой, угодившей в сети,
затрепыхалась в небе. Мастера
пить кровь, москиты рыщут; но у этих,
что дремлют у погасшего костра,
ее ни капли в жилах не находят
и вокруг жертв напрасно хороводят.

10

Вот долгожданное поспело блюдо.
Костер, золой подернувшись, потух.
Прикосновенье – и шумящей грудой
распалась глина, увлекая пух:
голодным взорам тут предстало чудо,
клубясь парами, источая дух,
от коего несчастные созданья
чуть не лишились своего сознанья.

11

Томимы жаждой, на берег Евфрата
они пришли, забрали заодно
Ислана – бедуинового брата,
что погребенья требовал давно;
столкнули в воду: с плеском глуховатым
увлек кремень усопшего на дно;
сомкнулся зыбкий круг над ним сурово,
как ореол над головой святого.

12

Меж тем давно уж наступило утро,
на полпланеты заявив права;

оно пришло ребенком светлокудрым,
раскрасило зеленым острова
и берега, а воду – перламутром.
Тяжел желудок, с ним и голова
потяжелела; выбившись из силы,
мои герои тут же, у могилы

13

Ислана безмятежно прикорнули...
Пока им снятся жены и пиры,
я расскажу про Честного Абули –
так звался бедуин до той поры,
пока самумы злые не подули
в его судьбе. Богатые шатры
он разбивал в оазисах зеленых,
среди пальм, по берегам ручьев студеных.

14

За то он прозван был Абули Честным,
что каждому за честные труды
он воздавал монетой полновесной;
и тот не знал ни горя, ни беды,
кто пас стада его в степях окрестных,
кто сеял хлеб, возделывал сады,
сооружал арыки и каналы...
Не нравилось соседям-феодалам

15

что делает поблажку он для люда:
и, не желая вызова снести,
как гадкого безгорбного верблюда,
они его решили извести:
то слух какой, поднявши из-под спуда,
стараются подальше разнести;
то вытравляют просяные всходы,
то из запруды выпускают воду.

16

Но ненависть плохого человека
не ведает ни меры, ни границ...
Абули не забудется вовеки
тот день, когда, сбыв выгодно весь рис,

они с Исланом покидали Мекку:
свою жену, прекрасную Наргис
он встретил на невольничьем базаре;
с Ислановой женой Гюльярой в паре.

17

Она стояла в кандалах рабыни,
убита горем и обнажена.

Абули

Наргис! Наргис! Жена моя!..

Наргис

Отныне

рабыня я... а не твоя жена.

Гюльяра

Поля и сад превращены в пустыню...

Наргис

Скот угнан, а усадьба сожжена...

Абули

У нас с Исланом кое-что найдется,
чтоб вас купить, Наргис...

Работорговец

Не продается

18

ни эта и ни та...

Перед закатом

проснулся он от ледяной воды,
что незнакомец в самодельных латах
плескал ему на голову; тверды
и туги коноплянные канаты,
которыми он связан; с бороды
вода текла; и худенькое тело
в ознобе сотрясалось то и дело.

19

Абули огляделся осторожно:
по-прежнему он был на берегу,
но только... только – противоположном!
«Судьбина, знай, все гнет и гнет в дугу, –
подумал горемыка безнадежно, –
беспомощного своего слугу.
Свободным лег, проснулся же плененным
во стане воинов иноплеменных».

ЭПОХА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Тут же лежал товарищ по несчастью,
на камень боком привалясь слегка;
его глаза, распахнутые настужь,
казалось, проникавшие века,
смотрели с одинаковым участием
и на трясущегося старика,
и на пленителей русобородых,
и на струящиеся мимо воды.

2

В запястья, локти и худые плечи
до самой кости врезалась супонь...
«Араб сей божьей благостью отмечен:
такой пойдет на плаху и в огонь
за вольность духа, – шлем остроконечный
сняв с головы и положи ладонь
на булаву, решил славянский воин. –
И посему он лучшего достоин

3

удела...»

1-й воин

Гляньте, братцы, на Агапку:
чичас он, верно, бить зачнет челом
пред полоненным, ежель ломит шапку!..

2-й воин

Да что ты, Ботка!..

Агапка

Брешешь ты зело,
беззубый черт... Берите их в охапку
и волоките, надо быть, в седло.

Да по коням!

2-й воин

Ты дело молвишь.

Агапка

Кабы
на нас тут не нагрянули арабы...

4

1-й воин

Какой резон из-за арапок мучить
коней? Пристукнуть – все для них суды...

Агапка

Справляй-ка дело, раз приказ получен.
А остальное – не твои труды...
Что делать с полоненными, пусть лучше
рассудит сам премудрый Аль-Берды;
тем паче, языкам иноплеменным
обучен он: от сиих полоненных,

5

быть надо, что полезное узнаем...
«Где говор этот слышал я? Ага!
Так говорят славяне под Дунаем,
на чьи – не раз случалось – берега
при караване хаживал, меняя
товары, их покорнейший слуга,
которого они, – вздохнул Абули, –
в чувяки из сапог переобули,

6

пока я дрыхнул... Говорят, славяне –
народ оседлый: не настолько глуп,
чтобы поверить в это...»

Словно няни,
бойцы двух пленных подняли на круп,
а сами в седла сели; по саванне
тряслись всю ночь; у крайней из халуп
саманного славянского поселка,
по коему разгуливала телка,

7

все спешились. Походкою упругой
к ним подошел красивый атаман:
в высоком шлеме; под стальной кольчугой
угадывался юношеский стан.
В нем Агасфер узнал свою подругу
и, радостью внезапной обуян,
к вдове рванулся (речь идет о Витте),
и, словно тонкие гнилые нити,

8

ремни, что туго стягивали руки,
распались тотчас.

Агапка

Мудрый Аль-Берды,
позволь, я череп размозжу гадюке?!
Аль-Берды (он же Витта)
Не смей! То друг мой: стало быть, беды
не мыслит мне... Неслыханные муки
я испытал, ища его следы.
Я счастлив, что его увидел снова.
От пут освободите и другого.

9

Таскайте воду и топите бани.

Агапка

Все сделаем.

Аль-Берды

А после – пир горой.
Несколько воинов одновременно
И тут не посрамят себя славяне,
как не срамили ратною порой.

Аль-Берды

Вы молодцы равно на поле брани
и за столом.

Агапка

А друг-то твой – герой;
он наделен недюжинною силой...
Порвать ремни!..

1-й воин

А с виду вроде хилый.

10

Такая мощь!..

Агапка

Природа таровата
на этикие дива-чудеса.
2-й воин
Один плечист, ручищи – что ухваты
и в целых два обхвата телеса,
а силы с ноготь.

Аль-Берды

Не пора ли в хату
гостей позвать?

Агапка

Пойду-ка дам овса
лошадушкам – умаялись бедняги, –
и выкачу бочонка два-три браги.

11

Еврей вошел в избу вслед за подругой;
она, едва осталась с ним вдвоем,
шлем сорвала – и косы на кольчугу
упали потемневшим серебром;
потом с минуту, глядя друг на друга,
они сидели молча за столом;
и чуткими влюбленными глазами
они друг другу больше рассказали,

12

чем за часы взволнованной беседы,
что позже выражение нашла
словесное.

Витта

...Поверила соседу –
тебя он видел на краю села, –
и в то же утро бросилась по следу,
как будто собачонкою была:
в тоске, в нечеловеческом страдании
я обрела собачье обонянье.

13

Я шла от перевала к перевалу
и падала, когда – совсем невмочь...
Та сила и меня к тебе толкала,
что от меня тебя толкала прочь.
Я в том дупле однажды ночевала,
в котором до меня провел ты ночь:
у выгнившего изнутри баньяна
нашла клочок от твоего кафтана.

14

Меня находка эта окрылила...

Агасфер

Любимая! О если б знал в те дни,
что ты за мной последуешь!..

Витта

Мой милый,

уж таковы мужчины искони...

Агасфер

Сказала бы...

Витта

Да я тебя молила:

«Пойду с тобой – ты только помани!»

Молила грустным и печальным взором,
каким смотрела на тебя в ту пору...

15

Но ты был слеп. Ушел. Один. Крадучись.

Одну оставил в чуждой стороне...

Агасфер

Я не со зла... Я думал будет лучше...

Витта

И было лучше. Но тебе – не мне!

Я так страдала, столько слез горючих
я выплакала по твоей вине!..

Агасфер

А как же ты попала в атаманы?

Витта

Случайно совершенно, как ни странно...

16

Случилось это тут же, в Междуречье.

Спала я среди веток бузины;

вдруг слышу топот, крики человечьи;

и в призрачном сиянии луны,

продрав глаза, увидела я сечу:

лилась и с той, и с этой стороны

рекою кровь – моя же стыла в жилах,

и голова от тошноты кружилась.

17

Тут – вижу я из-за своей завесы –

на пешего подростка одного

напало трое на лошадаках резвых...
Но под тяжелой булавоу того
один свалился... Будучи отрезан
от бегства и отряда своего,
несчастнй выдыхался постепенно...
Вот он споткнулся, на одно колено

18

упал... Герою приходилось туго.
Но был готов сражаться до конца...
Казалось мне, что я теряю друга;
внезапно ощутив в себе бойца,
надела шлем, напялила кольчугу –
все это отняла у мертвеца, –
и, подобравши меч себе по силам,
я к храбрецу на помощь поспешила.

19

Рука, отерпнув, непривычно стыла
от тяжести дамасского меча.
Я неожиданно напала с тыла
и, размахнувшись со всего плеча,
я размозжила одному затылок,
а остальные дали стрекача...
Тогда-то уцелевшие всем миром
меня своим назвали командиром.

20

С тех пор хожу я в рыцарских доспехах,
скрывая от товарищей свой пол,
предпочитая светским всем утехам
ночлег бивачный и солдатский стол.

Агасфер

Дружина знала много ли успехов,
когда ее на ратный подвиг вел
сей мудрый Аль-Берды?

Витта

Рабов, колонов,
кого от византийского полона

21

мы избавляем, расспроси об этом...

Но вот, светлело; заалел восток.

Потом петух прокукарекал где-то.
И тут шагнула Витта за порог;
сощурившись от утреннего света,
трубить побудку повелела в рог.
И первыми на рога звук суровый
отозвались мычанием коровы.

22

От испарений утренних
саманок
не видно было. Дружною толпой,
материализуясь из тумана,
сияющего снежной белизной,
бойцы стекались к дому атамана
и торопливо становились в строй;
смотрели неподкупными глазами
на Аль-Берды, дальнейших указаний

23

от командира ожидая.

Аль-Берды

Длинный
путь предстоит нам; с армией Фомы,
которого прозвали Славянином,
в конце его соединимся мы... –
Сначала путь лежал через долину;
Маячившие спереди холмы
лишь к вечеру приблизились: щебенка
под всадниками застучала звонко.

24

Тут Аль-Берды повел отряд свой между
двух сопок, чтобы легче взять подъем:
он для бойца – опора и надежда,
и никогда не забывал о том...

Агасфер

Когда ты снимешь ратную одежду?

Витта

Пока Константинополь не возьмем,
о мирном платье быть не может речи.

Агасфер

Ты, несомненно, рождена для сечи...

25

Витта

Неправда. Ты ведь знал меня иною...
Нет ничего домашних уз святей;
и мне б хотелось быть твоей женою,
рожать и пестовать твоих детей.
Но в мире нет свобод: на поле боя
их добываю с помощью мечей...

Агасфер

Похвально.

Витта

Ты смеешься?

Агасфер

Нет.

Витта

Однако

пора подумать нам и о биваке.

26

Бивак! Одни умело и торопко
налаживают ветхие шатры;
другие коней кормят, для растопки
несут охапки сучьев и коры.
Запахло вскоре ячневой похлебкой;
смех, шутки, песни – все, что до поры
задерживалось образом походным,
находит выход в мудрости народной.

27

Костер забытый постепенно гаснет,
на шлемы, на щиты, на булавы
отбрасывая отблеск темно-красный;
ни шороха не слышно, ни молвы –
бойцы полны мелодией прекрасной:
поет, не поднимая головы,
закрывши очи, воин безбородый;
и песня то взлетает к небосводу,

28

где одинокой птицею порхает,
то падает со звоном хрустала;
задумчивая, грустная, лихая,
беря за душу, мысли шевеля,

искрится, льется и благоухает,
как та благословенная земля,
откуда юный исролнитель родом.
Слова сей песни сложены народом:

29

«Была красою знатна моя Радка
и ласкова же, ратные мужи, –
как обнимала, целовала сладко!..
Под яблоней, цветущей у межи,
мы всю весну любились с ней украдкой
от старого, седого чобарджи,
за коего отец ее просватал,
позарившись на пышные палаты.

30

Плескалась омутистая речушка.
Сидели мы вдвоем на бережку.
А с недалекой буковой опушки
к нам доносилось вещее «ку-ку» –
пророчила веселая кукушка
нам долгих лет... Но, глядя на реку,
наложить на себя решили руки:
уж лучше смерть, чем мыкаться в разлуке.

31

Но только в воду бросились с девчонкой,
к реке сбежалась вся ее родня;
нас выловили сетью из речонки
и на исходе этого же дня,
в цепь заковавши, из родной сторонки
в острог далекий выслали меня;
мою же Радку, дорогие братья,
уволокли в постылые палаты!»

32

Бойцы уснули; снятся им овины,
глаза и косы черные девчат...
А утром снова в бесконечно длинный
путь Аль-Берды поднимет свой отряд.
Меж тем в огромном войске Славянина
произошел событий целый ряд,
что все движенье повернуло круто...
Я этим и займусь сию минуту.

33

Шли к Славянину в армию охотно
рабы, крестьяне; жаждали попасть
ремесленники, воины пехоты;
потом к нему примкнула даже часть
большого императорского флота –
готовы были победить иль пасть
за волю угнетенного народа.
И армия, несущая свободу,

34

выигрывает три-четыре схватки;
достало ей и силы, и ума
Константинополь осадить. Нехватки
продуктов и холодная зима
измену и предательство, и взятки
посеяли в нестойких. И Фома,
естественно, в решающем сраженьи
со своим войском терпит поражение.

35

Тогда о связи не было и речи,
и маленькое войско Аль-Берды
не знало про трагическую сечу;
не ведало о близости беды,
оно спешило к месту братской встречи
с людьми Фомы; и тяжкие труды,
опасности и прочие невзгоды
далекого военного похода

36

уж позади. Уставшему отряду
был нужен отдых более всего,
но принял бой: на мощную засаду
нарвался он; и вскоре от него
осталась горстка... Остальные рядом
легли чуть позже, кроме одного...
Гречанка, чтобы избежать плененья,
Покончила с собой в одно мгновенье.

37

Лишь Агасфер – он был еще при силе –
орудовал тяжелой булавой,

что при луне и при дневном светиле
равно встречалась с вражьей головой.
И вскоре византийцы отступили,
решив, что с богом или сатаной
столкнулись. Только нашего героя
не радовал исход победный боя.

ЭПОХА ПЯТАЯ

1

Вставало утро. Перезревшей грушей
луна упала меж далеких скал;
защелкал суслик, тишину нарушив...
Изгнанник, заблудившийся в веках,
с тоской, что тигром выскребала душу,
с холодным телом Витты на руках
шел с поля боя, не ища дороги,
с большим трудом передвигая ноги.

2

Шел Агасфер. И шла шакаля стая
за ним, не отставая ни на пядь.
Внезапно за прибрежными кустами
ему открылась голубая гладь;
и море, постепенно вырастая,
мир заслоняло. Дорогую кладь
на дно отливом брошенной лодченки
он положил тихонько, как ребенка

3

заснувшего. И только тут усталость
почувствовал он, сидя у бревна,
что челноком когда-то где-то стало
и что сюда закинула волна.
О чем-то думал. Солнышко блистало,
шумел прибой; морская глубина,
земля и воздух жизнями забиты.
Лишь жизни нет в остывшем теле Витты.

4

Она мертва! И нет ей воскресенья!
Распухнувшее личико ее

уже успело тронуть разложение;
и, чуя это, мерзкое зверье
все больше выражало нетерпенье,
все ближе подползало шакалье...
Чуть отдышался. И пора за дело.
Взял Агасфер бесчувственное тело,

5

на плавнике, покинутым отливом,
вполне сухом, готовом для костра,
его оставил, вытащил огниво;
и звездчатая синяя искра
на мох упала; а потом сварливо
огонь гудел до самого утра;
истлели угли; свежий вольный ветер
разнес летучий пепел по планете.

6

Исполнен долг последний перед Виттой.
Запрятав боль в сердечном тайнике,
изгой принялся тотчас за корыто
(речь, стало быть, идет о челноке),
ощупал по-хозяйски, деловито,
сволок к воде, оставив на песке
глубокий след; и – злополучный берег,
где пережил он столькие потери,

7

без сожаления покинул вскоре.
Мы оставляем обжитой насест
с мечтой в груди, с надеждами во взоре,
уверены, что перемена мест
нас непременно исцелит от горя;
и, надрываясь... свой незримый крест
несем мы на Голгофу иль... на море.
Впервые в жизни на морском просторе

8

был Агасфер. Однако облегченья
не испытал. Палящие лучи
ему вернули прежние мученья.
Точно в котле, стоящем на печи,

вокруг кипело. Между тем течение
несло все дальше. Камнем из пращи
летел челнок по беспокойной зыби
подобно странной неуклюжей рыбе.

9

Летел сквозь усыпляющие звуки,
не оставляя за собой следа...
Протягивая жадно за борт руки,
напился вволю Агасфер, когда
невыносимы стали его муки;
но горькая соленая вода
не утолила, не смирила жажды.
«Сей вкус я испытал однажды,

10

глотаю слезы около Эсфири,
к которой лез, насилие творя,
легионер... Ужель в подлунном мире
столь слез, что ими полнятся моря? –
подумал он, окидывая шири
морские взглядом. – И благодаря
слезам же существуют океаны?
А коли так, то поздно или рано –

11

в них канет зло, насилие потонет;
пойдут ко дну цари и мытари –
все, от кого народ несчастный стонет...»
Отлив стихал. Алея от зари,
что вспыхнула огнем на небосклоне,
качалась лодка; словно упыри,
при сумерках невидимые птицы,
уставшие по воздуху носиться,

12

готовясь к приближающейся ночи,
доверяясь убывающей волне,
невдалеке перекликались; сочный
гортанный гвалт метался в тишине.
Открывши многовидевшие очи,
пловец лежал недвижно на спине
и с незнакомой новою тоскою
смотрел на звезды. «Что это такое?

13

Неужто искры крошечные эти,
как солнце – горячи и велики?! –
Он выпался за восемь тех столетий,
что пролежал в могиле у реки,
теперь не спит. – Кому же они светят,
сии таинственные маяки?
Неужто где-то есть иные земли,
которые иных людей подьемлют?

14

Кто к землям этим ведает дороги?
Быть может, там привольно дышит всяк –
дурак, мудрец, здоровый и убогий,
король и раб, разбойник и босьяк?
Быть может, там не столь жестоки боги,
и смертных за простительный пустяк
бессмертьем не карают? Может, ссоры
не столь кровавы и тяжки поборы?...»

15

Так размышлял он, наблюдая точки,
что представляли звездные миры...
И вдруг услышал говор чей-то. Тотчас
впились в его посудину багры;
движением решительным и точным
был поднят вверх он с легкостью игры;
тут увидал мужчин русобородых
неведомого племени и рода.

ЭПОХА ШЕСТАЯ

1

Большую лодку судно представляло
с изображеньем зверя на носу,
где нашему герою предстояло
начать очередную полосу
бродячей жизни. До поры сей мяла,
давила, уподобясь колесу,
его судьбина. Что-то завтра будет?
Зачем он нужен этим странным людям?

2

«Спасатели», еврея озадачив,
 всем видом выражая торжество,
 визг подняли, как в шабаше ведьмачьем,
 в тот миг, когда увидели его
 при свете звезд и факелов чадающих;
 туда-сюда метались – оттого
 ладья болталась: нес сию повозку
 холщевый парус в красную полосу.

3

К кому попал – к купцам или корсарам?
 В гнездо ли к Вельзевулу самому?
 Своим или награбленным товаром
 они лалью набили по корму?
 Подвергнут ли его жестоким карам?.. –
 гадал еврей, готовый ко всему.
 Но незнакомцы, попинав, изгоя
 на этот раз оставили в покое.

4

Не дал он волю злости и обидам,
 хоть телом и душою был раним;
 ни ропотом, ни жестом боль не выдал,
 а только горько улыбался им.
 Залез за тюк, чтоб жалким своим видом
 глаз не мозолить извергам своим.
 Однако кто-то в угол ему кинул
 кость со следами вяленой конины.

5

Так оказался Агасфер во власти
 людей, плюющих на его права,
 ему несущих новые напасти;
 на судне было их десятка два.
 Сперва ему темны их были страсти,
 надежды, помышленья и слова.
 Но за морскую долгую дорогу
 он начал понимать их понемногу.

6

То были внешне видные мужчины,
 судьба еврея с коими свела;

у них, казалось, не было причины
служить порокам и исчадьем зла...
Но, прячась под купеческой личиной,
они творили черные дела:
поживы ради лили кровь мечами
в селениях чужих, ладью причалив,

7

ступив с недобрым умыслом на сушу...
Им промыслом служила и вода:
топили в ней торговцев честных души,
беря разбоем мирные суда –
готовы были все и вся разрушить...
Но частой гостьей и у них беда
бывала, несмотря на их уловки;
и менее удачливых и ловких

8

в морских сраженьях поглощали воды...
Тем утешались мать и сирота,
что их кормильцы навсегда уходят
за некие Валгалловы Врата,
где обитает всемогущий Один –
другим богам, кумирам не чета:
жаль, что доселе требует он дани –
кровавых человеческих закляний.

9

Они носили красные рубахи
и серые холщевые портки;
они не знали, что такое страхи,
что шансы выжить их – невелики;
к ним то и дело приходили свахи
от нежити с косою, моряки
покуда от любовных притязаний
ее под разным видом ускользали.

10

Но смерть была упорна по натуре –
шла по пятам, готовя им удар:
однажды угодили в сердце бури,
едва минули воды Гибралтар;

носились тучи, словно стаи фурий,
устраивая дьявольский пожар
меж небом и взбешенными волнами,
давая увертюру к адской драме.

11

Атлантика изображала горы –
подвижные гигантские горбы,
которые не радовали взоры.
Валы друг другу разбивали лбы.
Ладья ныряла, потеряв опору,
то, словно конь, вставала на дыбы.
За что попало, надрывая жилы,
хватались люди – ни мертвы, ни живы.

12

За мачту и крепления для реи
цеплялся виды видевший пират.
– Должны мы жертву принести скорее,
а то отправит Один всех нас в ад, –
сказал он, строго глядя на еврея;
последнего удерживал канат,
которым тюк к ладье был принайтован.
«Пиратами удел мне уготован –

13

заклать меня, когда им будет трудно», –
подумал он, бросаясь встреч волне.
Та же волна обрушилась на судно,
затем, немного подержав на дне,
она его вернула из-под спуда
в пятидесяти метрах в стороне:
забрал к себе своих любимцев Один.
Но Агасфер ему был не угоден.

14

Утихло море, поглотив добычу.
Лежавшая вверх килем до того,
ладья вдруг встала заново на днище;
сидело на форштевне существо
невиданное, скусившись по-птичьи.
Агасфер
Ты кто?

Протей

Протей, морское божество.

Агасфер

Трезубец свой оставил в спешке дома?

Протей

Меня ты спутал с другом Посейдоном.

15

Мой друг похож на крепкого мужчину
с хвостом русалки. Если захочу,
могу принять и я его личину.

Мне время и пространство по плечу,
поскольку вижу в следствии причину.
За все эти способности плачу

ценою слишком для меня высокой...

Агасфер

В чем смысл цены той?

Протей

В жизни одинокой.

16

Агасфер

И я печатью этой же отмечен:
живу один, не нужен никому...

Протей

Таков удел, мой друг, того, кто вечен.

Агасфер

Отдал бессмертье я б взамен тому,
чей век, как день весенний, скоротечен.

Протей

Нас Вечность наказала потому,
что вторглись, не спросясь, в ее пределы.
Но я смирился со своим уделом.

17

Протей, чтоб Агасфер ему поверил,
стал быстро изменять свои черты –
то обернется в сказочного змея,
то в деву несказанной красоты,
что на Востоке именуют Пери,
поочередно и без суеты...

Агасфер

Когда, Протей, я буду к тебе близко,
ты обратись в овцу из василиска...

18

Протей

Да, не всегда похож я на Киприду...
Возьми совет себе в поводыри:
пугать не должно то, что страшно с виду,
оно прекрасно может быть внутри;
пойди – у Зевса отбери эгиду,
но из себя кумира не твори;
сирена, словно птица, сладкогласна,
но слушать эту гарпию опасно.

19

В ладью забравшись с помощью каната,
в ней Агасфер увидел старика,
похожего на мудреца Сократа,
сидящего поверх того тюка,
за коим он спасался от пиратов
после того, как те ему бока
слегка помяли. С оборотнем рядом
изгой присел. Тот встретил его взглядом...

20

Взгляд этот был отнюдь не голубиный;
лишенный человеческих страстей,
он, словно океанские глубины,
был полон тайн, сокрытых от людей.
Глаза неизменяемыми были,
чей облик бы ни принимал Протей;
в своей многовековой одиссее
еврей не видел глаз таких доселе.

21

Агасфер

Ты намекнул в начале мне о странной
особой прозорливости своей...
Что ждет меня, бродящего по странам,
в далекой глубине грядущих дней?

Протей

Спустя столетья, скрытые туманом,
компания отчаянных людей

полет к звездам замыслит в честь науки...
Но люди, эфемерные, как мухи,

22

поймут, что расстояние и время
подвластны только звездному лучу
да... некоему Вечному еврею,
которому все это по плечу.

Агасфер

Ты обо мне? Меж звезд далеких рея,
с тоски умру...

Протей

Я тоже полечу.

Агасфер

На чем?

Протей

На металлической машине,
что внешностью подобна афалине.

23

Агасфер

Охотно в плавании безрассудном
я разделю компанию твою...
Еще скажи, коли тебе не трудно:
в каком... таком... загадочном краю
мы пересядем в звездную ладью?
Как звать народ тот необыкновенный,
задумавший поход к иным вселенным?

24

Протей

Дай, с мыслями немного соберусь я...
Эпох, держав, народов имена
текут с истоков по несметным руслам...
Да... край-то тот... земля... или страна...
зывается ныне Киевскою Русью;
а в упомянутые времена,
до коих путь нам предстоит осилить,
славяне будут звать ее Россией.

ЭПОХА СЕДЬМАЯ

1

В конце концов, уставший от волнений
морских и тех, что нес в душе своей,
изгой забылся сном без сновидений,
напоминавшем обморок. Еврей
очнулся через несколько мгновений,
услышав треск разгромленных снастей.
Он оглянулся, шаря сонным взглядом;
но оборотня не было с ним рядом.

2

«Опять идти мне одному по свету
с незримой ношей, что судьбой дана,
взамен удачи, счастья и привета... –
посетовал изгой. – В минуты сна
приснился, верно, мне оракул этот,
провидящий миры и времена?
Как этого мифического зверя
узнал я имя, в самого поверил?»

3

Я разве сам не из того же ряда,
что нежить, хоть столетия живу?..
Я вздрагиваю и теперь от взгляда,
как будто снова вижу наяву
того, кто обещал мне как награду,
что я в ладье железной поплыву
к мирам иным и удаленным звездам:
мол, я для дела этого и создан».

4

Меж тем неуправляемое судно
несет его сквозь бурю и туман,
сквозь дождь холодный, морозящий нудно, –
туда, куда толкает ураган,
который, словно кормчий безрассудный,
ведет ладью, преобразив в таран;
грот-мачта, парус сбоку волочатся...
В такую непогоду домочадцам

5

завидует моряк, что стал мишенью
ударов бури, вздыбивших волну;
он спасся, но не видит утешенья
и перед теми чувствует вину,
что потерпели кораблекрушение,
с судами вместе уходя ко дну.
Мы постоянно со стихией спорим,
но чаще верх одерживает море.

6

«Мне зря стихии расставляют сети, –
сказал еврей, надеясь на успех. –
Не первый раз я ставлю на бессмертье
и всякий раз обыгрываю всех...
Сейчас из этой мрачной круговерти
я выигрыш добуду без помех:
я чую дым, хоть свет не видит око,
уверен, берег где-то недалеко...»

7

И тотчас же, уверенности полный,
он прыгнул за борт. Брошена ладья,
которая ему, по божьей воле,
тюрьмою стала. Запахи жилья
ему казались чистым благовоньем...
А вот и суша – символ бытия,
сосновый бор – убежище для белок,
костер поодаль... На песчаный берег

8

ступил изгой. Неясные надежды
питает он. К веселому костру
идет. Вода течет с его одежды.
Светает: время близится к утру.
На свет костра выходит. Поднял вежды:
в огонь бросая сучья и кору,
полулежат, наряжены, как куклы,
мужи и дамы, утопая в буклях.

9

Стояла рядом крытая повозка;
неведомый художник-чародей

размалевал ее довольно броско.
Паслась поодаль пара лошадей.
Окинув быстрым взглядом берег плоский,
подходит к незнакомцам наш еврей.

Агасфер

Блажен, кто вместо бедствия морского,
ночь пережил в уюте и покое;

10

я не из них. Позвольте вместе с вами
погреться мне у вашего огня.
Я был в ладу с водой и небесами –
попутный ветер подгонял меня,
вернее, кнорр, одетый парусами.
Но неудача, словно западня,
захлопнувшись, к беде меня толкнула...

Женщина

Немудрено. Уж такова Фортуна.

11

Она тебя одарит кучей денег
и вознесет до неба, не стыдясь,
то в нищенское рубище оденет
и, оставив жестоко, бросит в грязь...

Агасфер

Вполне резонно... Кто вы?

Женщина

Лищедеи –

бродячие актеры, светлый князь.

Агасфер

Я селянин. Зовите Агасфером.

Женщина

Приятно слышать. Будешь «Кавалером»

12

ты в нашей труппе. Имя мое Тирра,
однако «Свахой» названа игрой,
Авлина – «Девой», Манелей – «Сатиром»,
Тарквиний – «Недруг», Атисей – «Герой».
Вот твой костюм – остался от «Факира»,
сбежавшего с «Принцессой Баккарой»;
уход их року, видно, был угоден.
И – то, что Рюрик нас позвал в походе

13

сопровождать; его-де попросили
 во Новгород: мол, трон у них пустой.
 Да врет, наверно, словно мерин сивый.
 Зачем же многочисленная столь
 тогда ему дружина? Значит, силой
 занять намерен княжеский престол.
 Да сохранит последние колена
 этрусков наша муза – Мельпомена.

14

Агасфер

Вы новгородцы?

Тирра

Туски. От Энея
 наш род идет; герой и пилигрим,
 защитник Трои, чуть не павший с нею,
 на Апеннинах он воздвигнул Рим...
 Народ наш год от года был сильнее –
 казалось, быть не может покорим
 чужою волей... Но напали галлы,
 и в одночасье темные вандалы

15

нас обрекли на беды и несчастья,
 на нищету, потери и урон:
 одних изгнали, разделив на части,
 других забрали в рабство и полон.
 Искусства пали; этой же напасти
 не избежал этрурианский трон –
 то было до счисления Христова...
 С тех пор мы без пристанища и крова

16

живем, кочуя по земной юдоли,
 в дорогах бесконечных, что ни день...
 Но наши предки, скрывшись от неволи,
 меж многих городов и деревень
 ища оседлой наилучшей доли,
 нашли ее у озера Ильмень.
 От древа наших предков, между прочим,
 отпочковался род славян восточных.

17

Они слились с чужими племенами
и, чтобы их дела пошли на лад,
культуру и обычаи приняли,
домашний и общественный уклад...
Нас Рюрик ждет. Так, Агасфер, ты с нами?

Агасфер

Да. «Кавалер» служить отныне рад
тебе, красавица. И – Мельпомене.

Тирра

Тогда садимся в фуру...

К перемене

18

мест Агасфер был издавна привычен;
легко бросал он обжитой порог.
Когда-нибудь полезный столь обычай
не заведет ли автор этих строк?
Едва ль. Круизы стоят денег нынче.
А он не бизнесмен и не игрок.
Питается всего лишь хлебом с квасом –
то и другое делит он с Пегасом.

19

Неплохо бы с заглавным персонажем
измерить шагом шарик голубой,
увидеть иноземные пейзажи,
смеясь над домоседкою-судьбой,
и втиснуть все, что по дороге нажил,
в историю, творимую тобой;
была б она историку дороже...
Однако всякий делает, что может.

20

А можем мы, увы, не все. К примеру,
чужое время недоступно нам –
поэтому мы взяли Агасфера,
чтоб он провел по прошлым временам,
показывая нам за эрой эру,
которые перестрадал он сам.
Куда его, крестьянина простого,
теперь пошлет проклятие Христово?

ЭПОХА ВОСЬМАЯ

1

Будь наш герой силен географически,
то непременно догадался б он,
что через Скагеррак в залив Ботнический
с Атлантики ветрами занесен,
хоть и невероятно ни с практических
и ни с теоретических сторон.

Агасфер

Да, я пойду, конечно, с вами вместе...

Но где же мы?

Авлина

У Рюрика в поместье.

2

Агасфер

У Рюрика, что вас берет охотно
с собой в непредсказуемый поход?
Кто он такой?

Авлина

На вид мужчина плотный,
как всякий швед, не скряга и не мот,
одна из птиц высокого полета,
известный конунг; следует народ
его советам, что в своем уставе
он начертал... Да мы ему представим

3

тебя сейчас. Широкий по натуре,
нас примет и накормит заодно:
перед походом достолавный Рюрик
по-царски щедр на яства и вино.
Любители за счет чужой до дури
напиться, поди, в трапезной давно...
Хлестни лошадок, Атисей, – нет мочи
как есть хочу я после долгой ночи.

4

Тирра

Что с нашим гостем?.. Только что напротив
меня сидел и не сводил очей –
и вдруг растаял, как туман в болоте,
как вешний снег от солнечных лучей.

Неужто был он призраком бесплотным,
способным проникать в любую щель,
что запертые двери – не помеха?..

Атисей

Смеешься, Тирра?

Тирра

Нет, мне не до смеха:

5

я привидений, нежитей и духов
боюсь сильнее потопа и огня.
А в этом месте, если верить слухам,
произошла кровавая резня
варягов с готами...

Атисей

Пускай им будет пухом
земля сырая... Но в начале дня
между людей не шастают фантомы;
они сидеть предпочитают дома –

6

в своих гробах, становятся незримы,
как рассветет...

Тирра

Ты, право, не дурак.
Тебе бы править хитроумным Римом –
да, пряча красоту свою под гримом,
настолько, Атисей, ты рассудителен,
что всякий спор кончаешь победителем.

7

Атисей

Я ни при чем. Утешься...

Тирра

Поначалу
я испугалась нежитя, не вру.
Теперь полна не страха, а печали –
мне жаль его, заблудшего в миру...

Атисей

Как театрально реплика звучала,
когда сказал он, подходя к костру:
«Я мореход; ходил под парусами.
К чему пришел я, видите вы сами...»

Авлина

Наверняка от грозовой атаки
спасался он в могильной тишине,
но сделал вид, что в сей стихийной драке
он потерпел крушение при луне.
Хотя известно всем, что вурдалаки
в воде не тонут, не горят в огне.

Тирра

Права Авлина: и на самом деле
престранные тут бродят привиденья.

ЭПОХА ДЕВЯТАЯ

1

Меж тем еврей, закрученный пространством
и временем в немислимой петле,
виток многовековых своих странствий,
что начаты им были на Земле,
теперь без пересадок и без станций
продолжил на межзвездном корабле.
На этот раз он шел путями теми,
о коих он услышал от Протея

2

не дальше как вчера... «Тысячелетье
мгновеньем кратким показалось мне, –
он с мрачным сожалением отметил. –
Пригрезился, выходит, не во сне
мне оборотень и оракул этот;
познавший жизнь на океанском дне,
теперь летит он в космосе бездонном,
простившись с своим другом Посейдоном.

3

Преодолевший притяжений гири,
я тоже в бездну звездную несусь
и, если в бездорожии не сгину,
на Землю обязательно вернусь,
чтоб посетить могилы дорогие,
увидеть процветающую Русь,

пославшую меня своим полпредом
к мирам далеким за мечтою следом.»

4

Устроившись в сидениях уютных,
бессмертные – Протей и Агасфер –
всяк свое дело делали в каюте.
Являя трудолюбия пример,
меж звезд маршрут прокладывал компьютер.
Корабль летел; он световой барьер
преодоле. Но не была игрою
такая скорость для моих героев,

5

летающих сквозь космические дали...
Напутствуя в полет, ученый «клир»
им предпослал конкретное задание –
исследовать одну из «черных дыр»:
что это – сгусток от реликтов давних
или врата в какой-то скрытый мир,
через который переход мгновенный
вполне возможен в центр большой Вселенной?

6

Агасфер

Теперь я понял, передумав много,
что по заслугам Господом побит
и послан им скитаться по дорогам...

Протей

Я знаю, ты тот самый Вечный жид,
что согрешил однажды перед Богом;
с тех пор от самого себя бежит...

Агасфер

Ты угадал – не зря слывешь пророком...
Избавиться от собственных пороков

7

мы все, без исключения, готовы.
Подчас однако зло от нас идет:
мы принимаем за зерно полону...
Когда был изгнан из родных ворот,
я, каюсь, Бога осудил сурово;
но, прозорливый, знал он наперед,

что добродетель иногда похожа
на зло – не всякий различить их может.

8

Я по Земле бродил, не зная брода,
судьбину и Всевышнего вина
в своих мытарствах, и не думал сроду,
не ведал вплоть до нынешнего дня,
что пригожусь впоследствии народу,
когда-то породившему меня:
Бог вел меня к моей конечной цели,
не ведал о которой я доселе.

9

Двадцать веков не видел я покоя,
неся терновый на челе венец...
Чем хвастаюсь... В сравнении с тобою...

Протей

В сравнении со мною ты – юнец.
Что до богов... я рад, потомок Ноя,
что ты поладил с Богом наконец –
с тем, чей престол находится в эфире,
жить надобно в согласии и мире.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

1

Прошедшего по хлябям и отрогам,
смирившегося с волею богов,
оставим Агасфера у порога
тайнственных, неведомых миров;
ведущая к ним Млечная дорога
нерукотворных множество даров
ему с Протеем щедро обещает,
когда они к мирам иным причалят.

2

Читатели простят за опус скверный,
что мы с Эрато предложили им,
что многие события нашей эры
мы обошли молчанием своим:

нас извиняет то, что труд безмерный
мы на себя взвалили – исполним
он по причине этой быть не может.
Но все равно вина нам души гложет.

3

Нам следовало бы побыть немного
у бхакти – славном племени людей,
бескастовых и равных перед Богом.
У – Морелли; он с помощью идей
французов призывал пойти дорогой,
ведущей в мир умеренных вещей:
богатство порождает зло в народе –
оно противно, стало быть, природе.

4

Могли бы погостить у Галилея,
создавшего подзорную трубу;
ученый был поставлен на колени,
что церковь в нем увидела табу...
Могли, быть может, погасив поленья,
облегчить столь жестокую судьбу
Джордано Бруно – мудрого поэта:
хотя едва ль нам удалось бы это.

5

С Гипатией разминулись, ведомы
дорогами событий и легенд,
погибшей от камней фанатов вздорных,
ученейшею женщиной; ей ген
наверняка передала Дидона,
что основала город Карфаген...
Мы заболтались, кажется, не в меру
и влезли невзначай в чужую эру.

6

Прошли мы Время прямо и наискось.
Все, что минули, помним наизусть.
Но упустили братьев из Симбирска,
что разбудили дремлющую Русь;
им крест поставлен вместо обелиска.
Того, кто гнул Россию, как Прокруст,
и мучил россиянина простого,
сегодня почитают как святого.

7

Взрыхлив поля, зовет сельчан оратай
 на празднество «последней борозды»...
 Мы тоже труд свой кончили с Эрато,
 не требуя ни славы и ни мзды.
 Мы тщетно ждем гостей в свои пенаты,
 травя себя предчувствием беды...
 Хотя бы кто-то незванный, случайный
 зашел взглянуть на праздник наш печальный.

8

Сидим с Эрато, словно две тетери,
 впадая то в уныние, то в сон...
 Внезапно настужь распахнулись двери –
 мы тотчас скуку вытолкали вон
 взашей, едва глазам своим поверив:
 стоял в дверном проеме Аполлон;
 за ним – Евтерпа, Клио и другие
 живые олимпийские богини...

9

Удался праздник!.. Боги нас сначала
 поздравили с улыбкой на устах...
 Но нас с Эрато что-то огорчало,
 похожее на отдаленный страх
 иль нечто еще худшее... Качала
 дитя Полигимния на руках;
 она сказала: – Это ваш ребенок:
 растите своего читателя с пеленок.

10

Мы вторглись за реальные пределы,
 чтоб рассказать грядущим временам,
 как предки жили, чем переболели...
 Тех, что на слово не поверят нам,
 мы отсылаем возместить пробелы
 к специалисту и его трудам.
 Кончаем. После отдыха готовы
 писать хоть до Пришествия Второго.

20.09.1974

15.03.1999

12.12.2003

Из библиографии П.С.Бурмина

Гудроновый мир: [Маленькая поэма] / Петр Бурмин // Сельские вести. – 2002. – 14 декабря. (№ 146–147). – С. 6.

“Остров разума”: Глава из утопической повести / П. Бурмин // Сельские вести. – 2003. – 21 марта. (№ 33–34). – С. 6.

Гостья: [Рассказ] / Петр Бурмин // Люди в квадрате: Проза “Контакта” / Сост. Н. Н. Калашников. – Новокузнецк, 2004. – С. 246–253.

«Что знаю о феномене Тунгусском?...»: (Из романа в сонетах «Дети шута»): [Сонет] / Петр Бурмин // Сельские вести. – 2005. – 20 мая. (№ 59–60) – С. 7.

«Счастливей нас был пращур наш беспечный...»: Из романа в сонетах «Дети шута»: [Сонет] / Петр Бурмин // Сельские вести. – 2005. – 11 ноября. (№ 134–135). – С. 7.

Друг человека – брат человека: Рассказ / Петр Бурмин // Сельские вести. – 2006. – 13 января. (№ 3–4). – С. 7.

«Двойное синее светило...»: [Сонет] / Петр Бурмин // Кузнецкий рабочий. – 2008. – 10 апреля. (№ 41) – С. 10.

Писатель-фантаст; Инфернавты; Хомо новус: [Стихи]; «Великий Петр крестьянку Марту с фермы...»; «Двойное синее светило...»: [Сонеты] / Петр Бурмин // Попроси у неба крылья: Стихи / Составитель – Калашников Н.Н. – Новокузнецк, 2008. – С.25–27.

«Великий Петр крестьянку Марту с фермы...»: [Сонет] / Петр Бурмин // Новокузнецкий Литературный Альманах. – Новокузнецк: «Мастер-круг», 2008. – С. 151.

Известный солдат : сонеты о войне / Петр Бурмин ; составитель и ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – 28 с. : ил.

Моя система мира : сонеты / Петр Бурмин ; составитель и ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – 92 с. : ил.

Жизнь на бочке с порохом : фантастические рассказы / Петр Бурмин ; составитель и ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт» . – Новокузнецк, 2010. – 68 с. : ил.

Биолиты : фантастические рассказы / Петр Бурмин ; ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная

библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт» . – Новокузнецк, 2010 . – 56 с. : ил.

Слово о красе русской : поэмы / Петр Бурмин ; составитель и ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – 24 с. : ил.

Мы в мир приходим торопясь... : стихи, поэма / Петр Бурмин ; составитель и ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – 40 с. : ил.

Лунный полдень : рассказ / Петр Бурмин ; ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010 . – 12 с. : ил. – Библиогр.: с. 11–12 (15 назв.).

Фантом (Мой демон); Истоки моей фантастики; Дороги; Стихи о стихах; Пилигрим; Химеры: О нашем заблуждении; Звездный свет; Хомо футурус; Миф; Истины: [Стихи] / Петр Бурмин // На руках луна свернулась : стихи / составитель и ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – С. 20–25.

Дети шута : Письма старшего брата младшему, живущему за кордоном / Петр Бурмин ; ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010 . – 52 с. : ил.

Фенюшкины сказки : Из романа «Мальва на асфальте» / Петр Бурмин ; ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010 . – 20 с. : порт.

Луч света в упряжке : Сонеты / Петр Бурмин ; составитель и ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2011 . – 64 с. : ил.

Прорастает крыльями душа : Восьмистишия и миниатюры / Петр Бурмин ; составитель и ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2011 . – 36 с. : ил.

Агасфер : (Наша эра в стихах) / Петр Бурмин ; ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2011 . – 60 с. : порт. – Библиогр.: с. 58–59 (22 назв.)

Тираж 50 экз.